

//“STRINGER.Ru”, 26 Апрель 2016

Я познакомился с Андреем Архиповым в 1988 году в редакции еженедельника "Аргументы и факты", где мы оба работали как журналисты. Это было интересное время «Перестройки» в СССР. Мы планировали внести свою лепту в строительство обновлённого Советского Союза.

После учёбы ЧВВМУ им. П.С. Нахимова я получал образование в МГУ имени М.В. Ломоносова и начинал сотрудничать с пресс-службой Верховного Совета РСФСР. В 1993 году, после расстрела руководством страны Верховного Совета, была избрана Государственная Дума, где в это время в Комитете по геополитике начинал работать А.В. Архипов. Мы с ним стали сотрудничали ещё с 1991 года и участвовали в организации множества мероприятий, в том числе направленных на возвращение Крыма в Россию.

Прошло 29 лет. Сегодня А.В. Архипов является экспертом Парламентского клуба. На сайте Клуба "Российский парламентарий" мы решили поместить его воспоминания – первого пресс-секретаря В.В. Жириновского. Они открывают подоплеку политической кухни России, жизни больших политических деятелей, депутатского корпуса, в частности Владимира Жириновского, который до настоящего времени играет огромную роль в политической жизни современной России.

И.В. Кирпичёв

Как я заочно познакомился с Жириновским

С мая 1989 года я перешёл на работу из закрытого «ящика», где все корпели над созданием противоракетной обороны СССР, в редакцию бюллетеня «Аргументы и Факты» (АиФ).

На разных работах в "ящике" ЦНПО «Вымпел» я томился 11 долгих лет. Поэтому новая свободная журналистская среда вдохновила меня, а тут ещё в стране начал свою работу Первый съезд народных депутатов. В «Аргументах и Фактах» проработал полтора года. Был изгнан за то, что несанкционировано выдвинулся в народные депутаты РСФСР по Тушинскому округу, в декабре 1990 года.

Выдвигал меня на экспериментальном заводе «Коммунальной Академии» в Тушине Евгений Коган — тогда уже Народный депутат СССР от Эстонии. Он был тогда телезвездой: жестко выступив на съезде Народных депутатов против политики Горбачева по задабриванию эстонских национал-сепаратистов. (Знать бы нам тогда, что ВСЁ уже давно решено и поделено, и план развала СССР давно согласован и запущен).

Я будучи страстно политизированным и пользуясь удостоверением в котором было написано «редактор АиФ» быстро сошелся с руководством патриотической депутатской группы «Союз», которая противостояла явным и тайным уничтожителям СССР, которые вовсю проявили себя на этом первом и втором Съезде народных депутатов Союза ССР. Возглавляли эту группу: от Латвии полковник Виктор Алкнис, от Казахстана полковник Николай Претрушенко и от Эстонии судовой-механик Евгений Коган, от Молдавии экономист Юрий Блохин.

От России за русских никто так и не обозначился, такие люди были в группе, но себя не проявили. Так и вышло, что самыми русскими оказались тогда полулатыш, украинец родом из Белоруссии и еврей, они боролось за русских и за дружбу народов в падающем СССР.

А до выдвижения в кандидаты, я через три месяца после начала работы по наущению своего приятеля писателя Сергея Плеханова затеял как Бенито Муссолини «Марш Солидарности», чтобы собрать единомышленников в распадающемся Советском Союзе. Цель этого Марша была пробудить русских в республиках Прибалтики и выступить против сепаратистов, которые уже тогда брызгали ядовитой слюной ненависти в сторону русских.

Опубликовал размером со спичечный коробок объявление за полтора месяца в очень влиятельной тогда еженедельной газете «Литературная Россия» о том, что у нас будет автобусный маршрут Москва-Ленинград- Нарва -Таллин-Рига-Москва. Марш в поддержку русского населения Прибалтики. Стартуем из Москвы с Пушкинской площади 7 августа 1989. И свой домашний номер телефона.

Мне начали звонить со всего СССР. И восемнадцатым позвонил, (у меня сохранилась та записная книжка) некто из Батуми и кричал в трубку, что хочет с нами ехать в марш, а пока он должен заехать в Турцию. Назвался, так у меня записано: «Жердиневский

Владимир» телефон - 269 48 02 дом.

Так я расслышал и записал. Но потом этот Владимир перезвонил через три недели и сообщил, что не сможет: застрял в Абхазии.

Я один организовал скоординировал и провёл «Марш Солидарности», и всё это сидя на домашнем телефоне. Через знакомых начальников Сергея Плеханова в Союзе писателей СССР я получил финансовую поддержку. Секретарь тогдашнего Союза писателей Анатолий Салуцкий быстро всё оценил и без проволочек за неделю перевёл 25 тысяч рублей на счет Московской организации «Совтрансавто» (они сидели тогда на Цветном бульваре), и я как организатор и частное лицо договорился о том, что 11 автобусов марки «Икарус» проедут по заявленному маршруту. На борту каждого автобуса будет по два водителя, и им оформят командировку на 6 дней. Так как маршрут был не близкий, то я решил, что надо бы взять в голову колонны машину ГАИ с мигалкой. И мне удалось получить за какие-то смешные деньги, также переведенные по безналу, в сопровождение двух славных офицеров милиции при оружии и со связью, они сопровождали нас в машине московской ГАИ с мигалками по всему маршруту. Все шли навстречу благому делу и редактору АиФ.

Естественно, я организовывал «Марш Солидарности» в полной тайне от коллег-журналистов, так как чувствовал, что за такую прыть меня в редакции не похвалят. Тайна была сохранена, и в редакции «АиФ» так и не узнали о моём патриотическом подвиге.

В «Марш Солидарности» записалось более трехсот человек со всего СССР. Приехали делегации с Белоруссии, Узбекистана, Украины, Сибири. На марш были выделены деньги Союза писателей, а частью выделены наличностью, их передало мне «Интер Движение Эстонии». Депутат Евгений Коган привез мне 5 тысяч рублей в пачках по три и пять рублей, и я оплатил, например, перелёт туда и обратно Молодежного студенческого оркестра из Новосибирска из студентов Новосибирской Консерватории. Их прилетело 38 человек во главе с пожилым дирижёром и полным набором инструментов.

Надо учесть, что в то время не существовало мобильной и интернет связи. Были только почта телеграф и телефон. Всё, буквально всё держалось и организовывалось на честном слове сказанном по телефонному звонку.

Поехала в «Марш Солидарности» и группа исторических реконструкторов: они были фанатами эпохи Петра Первого и у них, кроме копий военной формы, было штук десять огромных знамен того времени, полных реконструкций боевых знамен петровской эпохи. Знамена были с вышивкой и накладными золотыми двуглавыми орлами, с надписями вязью. Их надо было нести на пятиметровых шестах, а так как они были весьма тяжелы, то справиться с этим могли только два знаменосца. А во время ветра их могли едва держать и три крепких мужика. Знамена и группу реконструкторов в форме я захотел включить в состав «Марша Солидарности» для того чтобы напомнить прибалтам и прочим шведам: чья земля и кто воевал за эти старорусские земли.

В назначенное время все делегации «Марша Солидарности» со всего СССР собрались на Пушкинской площади в сквере напротив памятника Пушкина. По спискам, которые я как руководитель получил, собралось 253 человека, в основном молодые люди, но были и граждане зрелого и пенсионного возраста. В дорогу нас проводил гремящий славой тогда депутат Вениамин Ярин.

Вениамин Ярин рабочий из Нижнего Тагила ярко сверкнул своими выступлениями на партконференции и съезде народных депутатов СССР, стал членом Президентского Совета, но после получения большой квартиры в престижном доме ЦК КПСС около Театра Советской Армии навсегда заткнулся и исчез с политической сцены. Забыл про родной Тагил и тяготы рабочей жизни.

Как и намечали в присутствии оркестра, который исполнил Чайковского и Глинку, стартанули под трехцветными, тогда ещё несанкционированными российским флагами по маршруту. Всё прошло по плану, все митинги и встречи прошли успешно. Если не считать того, что на границе с Эстонией нас взяли в кольцо десять эстонских милицейских машин с мигалками, и так как у нас был только один комплект радиостанций, нашу колонну промчали мимо Нарвы, где нас ждал ночлег и приём русских, составлявших большинство в городе.

Нашу колонну, сверкающую как президентский кортеж, без остановок «учтивые эстонцы» доставили прямиком мимо Нарвы до самого Таллина. Двести пятьдесят км без остановок и туалетов по дороге в колонне со скоростью не менее 90 км. Мы в два часа ночи оказались без ночлега на центральной улице ночного Таллина, куда должны были прибыть только к обеду...

Уже несколько лет спустя я сопоставил и понял, что в «Марш Солидарности» записался не кто иной как Владимир Жириновский. Но так как я уже позже узнал, он тогда для регистрации первой, кроме КПСС, партии собирал подписи среди жителей Абхазии, где у него были связи, то он и не сумел принять участие в «Марше». Хотя очень хотел.

И я встречал Жириновского на дебатах, которые вели москвичи летом 89-го года на улицах Москвы. Собирались сотни, тысячи москвичей и приезжих ходоков, которые приезжали понюхать обстановку в столицу со всего СССР, и сообщить землякам, что творится и чего ждать. Жириновский был королем улицы Старый Арбат, и я неоднократно видел его окруженного толпой, он участвовал в уличных дебатах, пока не уходил последний слушатель. Он жил в Сокольниках и прямехонько докатывал на летние митинги и дебаты на станцию Арбатская. А я жил на зеленой ветке, и ехал на метро до Тверской, где у первого в стране «Макдонольдса», тогда только открывшегося, сотни москвичей, как и на Арбате, стояли стеной и слушали и участвовали в дебатах. Я проводил там все вечера, идя с работы из «АиФ» с Малой Бронной.

Как я узнал много позже, уже тогда было принято решение Московского Городского Комитета КПСС о создании двух кооперативов «ИНО» и еще какого-то. Их

соответственно возглавил списанный в отставку офицер КГБ Валентин Минаков, до того служивший под прикрытием в США, и цеховик Андрей Завидия. Они были созданы для финансирования нарождающейся партийной структуры. Что интересно, среди учредителей кооператива ИНО, значится тогда ещё весьма юный Игорь Лебедев, сын Жириновского, которого я увидел спустя почти два года в двухкомнатной квартире в Рыбниковом переулке.

Мой вдохновитель и писатель Сергей Плеханов испугался принять участие в походе, где я почти никого не знал, и сказавшись, что ему надо готовиться и лететь на очередную охоту на дичь, не поехал. Проводил на площади, выступил с напутствием и остался наблюдать, чем наша политическая каша закончится. Я не выступал, чтобы не палиться перед прессой. Всё пришлось делать самому, одному тянуть маршрут и вести все оргвопросы.

Отчет о «Марше Солидарности» я разместил в очередном номере журнала «Молодая гвардия» за 1990 год, благодаря заведующему отделом публицистики Игоря Дъякову, (с которым легко сошёлся и дружу с тех самых пор). Вскоре меня за выдвижение в депутаты изгнали из редакции «АиФ».

Выборы в Верховный Совет РСФСР я проиграл по Тушинскому округу во втором туре всего 0,27% старому марксисту-ленинцу Е.А. Амбарцумову, выкормышу андроповской гвардии. Ему было на тот момент 62 года мне 34. Старый чекист и больной сифилисом развратник благодаря своим связям легко обошел меня. Конечно, тогда был сделан вброс на участке: в несколько десятков голосов. Но этого хватило при подсчёте для победы.

А команда из пяти членов редакции во главе с главным редактором Старковым и еще четырьмя журналистами стали депутатами Верховного Совета, который проголосовал за Ельцына и за выход России из состава СССР - приняв так называемую «Декларацию о независимости». Этот день уже 24 год мы ежегодно празднуем 12 июня.

Весной 1991 года, во время путешествия с экспедицией «Русская Америка» по Сухоне в Вологодской и Архангельской областях на маленьком пароходе, который мог ходить по реке только во время весеннего разлива я, сидя ночью на палубе, услышал в радиоприемнике выступление по «Радио Маяк», которое меня поразило. Это было выступление тогда мало кому известно Владимира Жириновского, который выдвигался в президенты России.

ПЕРВАЯ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ ЖИРИНОВСКОГО

Сразу по приезде из экспедиции 19 мая я, спустя три дня, 21 мая, снова услышал его выступление. 21 мая 1991 года Жириновский выступил на заседании Съезда народных депутатов РСФСР с изложением своей программы. По результатам голосования он был зарегистрирован кандидатом на пост Президента РСФСР («за» 477 депутатов, «против» – 417). Главным пунктом его программы было обещание остановить развал Союза. И он сказал: «Я буду защищать русских».

А 23 мая 1991 года, разузнав, я отправился в штаб нового кандидата в президенты. Он находился на 6 этаже в однокомнатном номере гостиницы «Москва». Ныне на её месте стоит, пока бездействующий муляж той исторической постройки.

Я пришёл в номер, уже и не помню, как пробрался, (по-моему, позвонил, и мне сделали пропуск), увидел там впервые В.В.Жириновского и еще одного партийца старика Халитова. Больше никого не было. Сообщил, что был журналистом в «АиФ» и готов сотрудничать, так как я нигде тогда не работал. Жириновский бурно посетовал, что его одолевают журналисты, которые хотят знать от него все и вся про него, и его видение ситуации в Союзе ССР. Мне он своей напористой энергией, убежденностью и прямотой весьма понравился, и я согласился без всяких условий, безвозмездно помогать будущему лидеру.

Так я стал как на работу ходить в номер в гостинице Москва, мне справили пропуск, так как туда не всех пускали, и я стал работать с прессой, с журналистами и сам организовывать пресс-конференции для кандидата в президенты. Ездить на телеэфиры, помогая готовить материалы и актуальные выкладки в коротких тезисах. Так как самому Жириновскому было некогда просматривать прессу. А спустя несколько дней мы поехали втроем В. Жириновский, В. Минаков и А. Архипов в предвыборную поездку по стране.

Первым регионом был Урал, откуда родом был основной соперник на выборах Борис Ельцин. Сначала Пермь, потом Свердловск, а затем Челябинск. Поездки, как всё остальное, организовывались прямо из номера в гостинце, я звонил договаривался сообщал номер рейса и время прилёта в местные властные структуры, которые все были под КПСС.

Забавно вспоминать, как прилетев в Пермь мы увидели у трапа роскошный белый лимузин, обрадовались, что так хорошо встречают кандидата в президенты.

Но встретивший у самолета человек повел нас в сторону, пояснив что это встречают певицу Машу Распутину, а нас у здания аэровокзала посадили в тарахтящий и ржавый микроавтобус РАФ и отвезли в гостиницу обкома КПСС, лучшую на тот момент в городе.

Первые выступления мы сами организовывали у проходных заводов, местные власти не очень-то помогали нам во встречах с избирателями. Ехали к окончанию смены, к 16 часам, например, на «Уралмашзавод» и с мегафоном выступали перед идущими с работы будущими избирателями. Иногда партийные власти давали выступить на местных телеканалах.

В Челябинске на площади где собралось тысячи три народа, нам любезно предоставили бортовой грузовик вместо трибуны, на дне которого лежали по всему кузову бухты ржавой проволоки. И вот я и Жириновский на этой проволоке выступали перед многотысячной толпой несколько часов. Я собирал от толпы записки, зачитывал их перед микрофоном, а В.В. в прямом эфире импровизировал и бойко отвечал на любые вопросы. Так мы очень часто делали, как Тарапунька и Штепсель. Я — вопрос, он

— ответ. (Эту форму мы потом надолго сохранили при выступлениях. Она давала возможность хоть немного перевести дух во время многочасовых выступлений). Кроме того, как и в Челябинске на митингах мне приходилось отталкивать ретивых людишек, которые лезли на нашу трибуну: они, пробившись, орали свои вопросы или проблемы, мешая своим криком выступать. Уже в Челябинске было и телевидение: стояла на отдельной платформе телекамера, и было нормальное звукоусиление. Валентин Минаков обеспечивал нам безопасность около кузова грузовика. Он бегал вокруг с испуганным лицом, которое я наблюдал с трибуны, мне было смешно смотреть на его полные ужаса глаза и окаменелое лицо. Милиция завороженно слушала Жириновского и не очень нас охраняла.

Потом была поездка на юг России в Ростов и Краснодар.

Что примечательно: предвыборный маршрут Бориса Ельцина полностью совпадал с нашим, но со сдвигом в несколько суток позже. Он мчался со свитой по пятам.

Нам дали эфиры на Центральном Телевидении(ЦТ). Помню как поразил Жириновский и меня тоже, когда он вышел из своей квартирки в Сокольниках, чтобы ехать на эфир ЦТ, который вел Игорь Фисуненко в крахмальной белой рубашке с бабочкой и в черном фраке. Мы заезжали за ним с Сергем Плехановым, чтобы везти в Останкино.

Там и прозвучала его знаменитая фраза на вопрос кто по национальности его отец, так как у него столь необычное отчество: «Мой папа-юрист!» Эта фраза ещё долгие годы была дразнилкой в прессе всем политическим начинаниям В.В. Жириновского. Его долго травили этой оговоркой, пугали обывателей в «патриотической» прессе еврейским происхождением защитника русских, хотя в историческом плане, никто не сделал большего для этого отсутствующего и ныне в правовом поле России русского народа, больше чем это сделал Жириновский.

А замечательного и остроумного телекомментатора Игоря Фисуненко за то, что он очень благожелательно и по-доброму вел передачу с новой звездой экрана, мгновенно сняли с эфира, и этот суперпрофессионал навсегда был смыт с телеэкранов, ещё мелькнув едва два-три раза. Ему отомстили за появление человека, который на многие годы, будет играть важнейшую роль в политике России. Проявил ли к нему благодарность ВВЖ позже, я не слышал.

После этого знаменитого появления в лучшее время на телеэкране выпендреж с фраками и бабочками Жириновского надолго закончился, и по совету и меня, в том числе, и он стал одеваться «ближе к народу», предпочитая уже варианты без галстука.

Мы еще успели съездить на юг: в Ростов-на-Дону и Краснодар. В Ростов прилетели, а потом на «Волге», предоставленной нам властями, мы втроём долго добирались до Краснодара, где выступали в местном Университете перед преподавателями и на ТВ.

Тогда мне удалось, благодаря моим связям, перед самыми выборами организовать эфир, в гремевшей по всей стране, самой популярной в то время передаче на

Ленинградском телевидении «Шестьсот секунд» Александра Невзорова. Я созванивался несколько раз, и мы прилетели за три дня до выборов в Ленинград. Там же стало понятно, что передачу финансируют и направляют те люди, которые предпочитают оставаться за кадром, а Саша Невзоров талантливый и замечательный нарцисс по жизни и на экране, всего лишь привязанный паяц к их тележке карабасов-барабасов, видящих другие горизонты, после кончины страны. Это стало еще более ясно, когда он многие годы дурачил избирателей и своих фанатов, просидев в Госдуме депутатом десять лет, и появившись там всего раз десять.

Но в девяносто первом году это была самая смотрибельная телепередача, её ждали по всему СССР десятки миллионов зрителей. И в ней вся страна увидела молодого умного и напористого кандидата в президенты, который впервые заговорил о русском народе, о русских, о том что нужна новая политика. Выход в эфир перед выборами имел грандиозный успех, который и предопределил надолго успехи лидера новой партии.

Можно посмотреть этот материал полностью на сайте. Съемки вел Невзоров и его команда на острове на спец вилле в центе Ленинграда, куда нас поместили его попечители, сразу по приезде.

Потом прошли выборы 12 июня 1991 года, где Жириновский занял почётное третье место после Николая Рыжкова. Первым президентом стал Борис Ельцин.

После выборов уже сразу к Жириновскому приставили трех офицеров из 9-го Управления КГБ. Забавно было наблюдать, как они из гостинцы «Москва» спускались с Жириновским в метро и провожали его до квартиры в Сокольниках. Работали они посменно.

Я сразу после выборов пошел в управление делами ЦК КПСС на Старой площади и попросил для знаменитого человека путёвку в санаторий для отдыха после изнурительной гонки и массы выступлений. Мне без проблем выделили три номера, один из них «Люкс» в санаторий «Русь» на Рузском водохранилище под Москвой. Куда мы на «Москвиче» 412 Валентина Минакова и оправились втроём отдыхать. Охрана из КГБ работала посменно, и молодые офицеры приезжали в санаторий со своими маленькими пистолетами в кобуре скрытого ношения на служебных машинах и сопровождала нас на пляж.

Мы проходили курсы водолечения, ванны и массажи. Ходили на пляж и загорали, а я как пресс-секретарь читал и прочёл вслух по копии всю книжку «Протоколы советских мудрецов» Григория Климова. Книга только появилась в Москве. Жириновский слушал закрыв глаза и всё оставлял без комментариев. Мы ничего не обсуждали, и он в основном был погружен в глубокое молчание. Встречались мы обычно перед завтраком. Я будил Минакова и Жириновского, и мы шли на завтрак, позже приезжали телохранители.

К нам наведывались, кроме охранников, и гости из столицы. Я там впервые увидел старого партийца Александра Жуковского, он уже тогда был весьма продвинутым

бизнесменом, и он привез нам в санаторий на модной машине кучу еды и вина и пожарил шашлык на специальной площадке санатория. Он редко мелькал в поле зрения раннего ЛДПСС. Позже он стал депутатом ГД второго созыва. Всегда был высокомерен, неразговорчив и с виду спесив. После депутатства Жуковский едва не загремел на пожизненный срок по обвинению в организации убийств в Санкт-Питербурге. Но искусство и связи адвоката Сергея Беляка вытянули его из страшной ямы ложного обвинения. Просидел пару лет в Крестах, и дело развалилось. И Жуковский вышел на волю, и как мне жаловался Сергей Беляк, так и не заплатил обещанный гонорар за спасение. «Понтари и неблагодарные эти грузины и кавказцы!», - многократно жаловался мне адвокат Жириновского впоследствии, когда мы стали тесными приятелями, спустя годы после описываемых событий. Хотя, как я понимаю, Александр Иванович Жуковский был всего лишь родом из Грузии, но, наверное, напитался духом и нравами этой неспокойной территории.

Уже в санатории «Русь» мне пришлось заочно по телефону познакомиться с супругой Жириновского Галиной Лебедевой. Она звонила в номер и сетовала, чтобы были срочно организованы меры по спасению сына Игоря. Он тогда уже учился на первом курсе юридического факультета МГУ и имел какие-то задолженности по сессии. Частично это объяснялось с её слов, тем, что в университете, якобы стало известно, что Лебедев - сын Жириновского, и ему мстили за известность отца, так получалось из её жалоб. Его надо было спасать, так как ему грозило отчисление, и, соответственно, армия. Я дозванивался до справочных, до ректоратов и деканатов, соединял ВВЖ с далекими начальниками, и, уже благодаря его всесоюзной известности, вопросы быстро решались по телефону. Мы ни разу не выехали из санатория, просидели безвылазно на природе все восемь дней.

А Игоря Лебедева, с которым мне также пришлось познакомится и говорить по телефону из санатория спасли, и его перевели во ВЗЮИ (Всесоюзный заочный юридический институт) по-моему, с потерей курса. Он пошёл в учёбе не по стопам отца, дважды выпускника МГУ. Воочию я увидел этого тонкого и застенчивого тогда юношу спустя год уже на новой штаб квартире в Рыбниковом переулке на Сретенке. Он жался к отцу и часто оставался ночевать в комнатке, где обретались охранники и водители.

После санатория Владимир Жириновский и его разросшаяся команда получили приглашение на посещение на полный кошт города Тирасполя в Молдавии. Там уже притесняли русских, и руководство города и мощных предприятий приглашали нас в любом количестве в город на выступления и отдых. Я созвал своих многочисленных приятелей и подруг и мы командой в 12 или 15 человек вылетели через Одессу в Тирасполь. Там мы провели чудесных семь или десять дней, много выступали, купались в приграничной реке Прут. Балдели от теплого приёма и приветливых русских. Жаль, что спустя год на этой земле началась жаркая военная эпопея русских против молдавских нацистов, которую потом загасили сами русские Приднестровья, но лавры победителя и миротворца достались весьма незаслуженно генералу Лебедю.

В Тирасполе с нами был и молодой паренёк лет 20, художник Артем Караваев, которого я и взял в поездку, он впоследствии делал эскизы первого флага партии, носившей

тогда название ЛДПСС. Это сочетание всегда резало слух Жириновского, и он редко его произносил, ему не нравилось созвучие с КПСС. Там на Тираспольском ткацком комбинате нам предложили напечатать сколь угодно флагов нашей партии. Но оказалось, что никто и не ставил даже вопроса о том, что у партии нет атрибутов и привлекательных символов.

Мы возвратились в Москву на поезде, в дорогу нам гостеприимные хозяева насовали всякой снеди и с десяток больших ящиков черешни. По приезде в Москву деловитый Минаков все погрузил в свою машину, партийцам не дали даже по килограмму дармовой черешни. Я весьма обиделся таким раскладом. Жириновский решил, что ему с Минаковым вполне хватит этих восьмидесяти кг приднестровской черешни. Так начиналось мелкое партийное скаредничество.

И как писал Ларошфуко: «Непомерная скупость почти всегда ошибается в своих расчётах: она чаще, чем все другие страсти уходит от цели, к которой стремится, или оказывается во власти настоящего в ущерб будущему». Так во многом в будущем и получилось при строительстве партии Жириновского: настоящее всегда превалировало над будущем. Сиюминутная выгода и скупость - неизменный мотив линии Жириновского, что в политике, что в партстроительстве. Я ушел от вождя, когда проработав два года 91-92 годы, с удивлением обнаружил, что мне выплачивают пособие в три раза меньше, чем водителям и охранникам, показывая как ценят мои усилия...

Августовский путч 1991 года

Я встретил на отдыхе в Крыму, в доме творчества писателей Сергея Плеханова, и он пригласил меня потусить вокруг этого интеллектуального клуба бывшего СССР, где маститые и не очень писатели с семьями предавались тихим радостям Коктебельского дома творчества, основу которого заложил вольнодумец и анархист Максимилиан Волошин.

В тот год на пляже в Коктебеле наблюдались маститые титаны слова: почвенник Василий Белов, молодой и уже гремящий славой Юрий Поляков, в зените славы «Нашего Современника» отдыхал Владимир Бондаренко с со своим семейством и многие другие.

Я помню когда по громкоговорителю на весь пляж передавали воззвание ГКЧП, какие сцены и вытянутые лица были у почувствовавших волю вершителей дум и их домочадцев: ярость, страх, надежду и злорадство и торжество можно было заметить на писательских лицах. Василий Белов маленький и со всклоченной бородой, плохо поддающийся загару бегал взволнованно по пляжу от одного динамика к другому, Юрий Поляков был расслаблен и как бы покорился судьбе, спокойненько выслушав воззвание засобирался в номер и я ушёл вместе с ним с затихшего пляжа.

Как потом выяснилось, торопливый ВВЖ, выскочил из штаб-квартиры в гостинице Москва и, собрав митинг, радостно приветствовал с толпой поклонников строгую руку порядка и закона, потянутую бывшими коммунистами и тогда спасителями Союза ССР.

Как выяснилось - зря, через сутки, нам объявили о том, что они низвергнуты и проиграли, маршала Ахромеева повесили в Кремле, инсценировав самоубийство, Пуго застрелился или ему помогли, а Горбачёв бесславно возвратился из Крыма в Москву. Верх и власть брал Ельцин, устроивший шумное шоу у Верховного Совета находившегося в Белом доме на Красной Пресне с танками жертвами и выступлениями перед толпой подготовленных активистов в гражданском платье.

Отдохнув полный месяц, я вернулся в столицу из Крыма и застал полный развал и гибель нарождавшейся партийной структуры. Немногочисленные активисты, Халитов, Жебровский, Мусатов, Минаков, Дунец и Жемло все попрятались все растворились и не отвечали на звонки, боясь репрессий за поддержку путчистов ЛДПСС во главе с Жириновским. Я почему-то, ничего не боялся, даже не задумывался, и названивал ВВЖ каждый день.

8 декабря 1991 года был подписан документ, закрепивший развал СССР.

И единственная крошечная группка людей во главе с ЖИРИНОВСКИМ вышла в морозную ветреную ночь 8 декабря 1991 года на Манежную площадь Москвы.

Тогда она была свободной и не застроенной, и там возможно было протестовать и кричать о трагедии, которая постигла сотни миллионов людей планеты.

После того как сообщили по ТВ и по радио, что Союза ССР больше нет, мы созвонились с Жириновским и стали собирать пугливых партийцев на протестную демонстрацию. Собрались у входа в гостиницу «Москва», там нас уже ждали приглашенные мной репортеры, в основном западных изданий. Были уже сумерки когда мы маленькой толпой, я помню что нас было 12 человек вышли на Манежную площадь в самый её центр. По площади в те времена было организованно круговое автомобильное движение. Но машин в тот вечер было мало, и мы стояли под светом двух или трех телекамер и орали о том что это незаконно, что был мартовский референдум СССР о сохранении единства республик. Мела поземка, и было очень муторно ветрено и темно.

Я никогда не видел кадров той нашей единственной в мире протестной демонстрации против гибели СССР, наши газеты о ней ничего не написали. Но наверняка, они есть в архивах наших и западных агентств.

И нет у меня и фотографий того отчаянного и единственного порыва изменить уже непоправимое. Девятнадцать миллионов членов мощнейшей партии планеты КПСС, сидя у приёмников и телеэкранов, мирно попивали чай и ужинали. Никто не застрелился не закончил актом самосожжения. Не дрогнул и не побежал к заводскому гудку или бить в набат. Самолеты не взлетели, танки не двинулись, и миллионы офицеров армии и спецслужб СССР во всех частях бывшей страны мирно заснули, даже не задумываясь, что теперь они должны изменить присяге или принимать новую. А в километре от нашей демонстрации с темными окнами возвышалась громада комплекса зданий Комитета Государственной Безопасности СССР, страны которой уже никогда больше не будет...

Наутро 9 декабря 1991 года в той же кровати и глядя в тот же потолок я оказался уже совсем в другой стране и в другом пространстве. И кто-то будет говорить, что телепортации не бывает? И мы живём не в матрице?

Сокол Жириновского - герб и символ побед

Сразу по приезде из Тирасполя, где нам обещали напечатать кучу флагов, я озаботился сочинением партийной символики, которая должна стать новой и весьма отличной от серпасто-молоткастой рекламы СССР.

Надо было взять русские символы, затоптанные при коммунистическом режиме и уйти от красного в цвете. Я в ту пору весьма увлекался язычеством и историей и решил что царственный символ - парящий сокол будет весьма кстати, тем более это символ первых русских Рюриковичей, которые были русскими князьями, а не варягами из скандинавов, эту истину я уже тогда прекрасно знал. Но хотелось оставить нечто и преемственное от герба СССР который имел на глобусе контуры Союза ССР.

Поэтому молодому художнику-самоучке Александру Хромову я поручил, сохраняя понятную традиционность создать эскиз нужного характера. Через три недели постоянных консультаций эскиз герба был создан. В его цветовой гамме изначально был заложен сиренево-золотистый цвет. Я тогда вместе с психологами и сам лично занимался диагностикой по цветовому тесту Люшера, имел дома набор карточек и знал, что сиреневый и золотистый цвета при выборе - это путь поиска, успеха, мудрости, знания и прочая. Россия была изображена в лучший период своего расцвета середины 19 века с Финляндией, Польшей, Аляской и всей Средней Азией

Это позже, уже без меня герб ЛДПР превратился в сине-желтый грубый муляж с жирным перекормленным голубком на фоне огрызка страны которая раньше была Россией. Название РОССИЯ исчезло и вместо неё появилась торговая марка -

ЛДПР. К тому же в герб присовокупили «ПАТРИОТИЗМ», хотя каждый понимает его по-своему, и юрист Жириновский не мог не знать, что такое бытовое, но важное понятие лежит вне пределов закона: у майданутых нацистов свой патриотизм, у исламистов в Сирии - свой. А у ВВЖ — свой! Поди, разбери!?

Как видим, достаток, буржуазная деловитость, я бы сказал, монументальная добротность победила, и толстому голубку ничего не осталось делать как лететь на насест в сторону США. Первоначальный сокол «боднями» (остриями когтей лап) был направлен на главных врагов России — США и Азию с её исламом и размножившимися как кишечная палочка китайцами-индийцами.

Надо сказать, какие-то доброхоты из зависти посоветовали Жириновскому избегать сокола и энергии герба. Ведь вспомните: ни у одной партии в Государственной Думе не было и нет запоминающегося графического символа. Символика правящей партии «Единая Россия» с белым медведем, белая внутренность которого таит козла Бафомета - масонский символ богоборчества и глумливой насмешки, не вызывает

симпатию в массах.

Именно мой герб с соколом позволил так успешно вот уже 23 года вести ЛДПР к знаковому присутствию в политической матрице. Этот символ был в бюллетенях голосования и приносил успех. И что ныне: последний 26 съезд ЛДПР, в Крокус Сити Холле весной 2013 года, где собралось почти 6 тысяч делегатов в своем убранстве напоминал траурный зал. Тяжелой могильной плитой все давила торговая марка - ЛДПР, герба с соколом не было. Значит можно видеть, что полет партии закончился. Кладбищенская тишина и тотальный проигрыш на грядущих выборах. От символов, приведших к победе так просто не отмахиваются. Что это: глупость, предательство, старческий просчёт? Или злонамеренный совет недругов?

Обратите внимание на дату утверждения символов партии 6 августа 1991 года, - это за две недели до известного ГКЧП, который привел Ельцина к полной власти и гибели СССР. Мне тогда пришло на ум, что надо оформить символику партии документом, а то потом не докажешь, кто и что делал, и за что ратовал. Я напечатал на бланке Приказ и Жириновский бодро подмахнул два экземпляра, а В. Минаков поставил печать. Я оказался в этом вопросе весьма предусмотрительным: по прошествии многих лет всё забылось, но есть документ, который рассказывает кто стоял у истоков будущих побед.

Я тогда же посоветовал Жириновскому, прочитав в какой-то статейке про графологию и характер, что подпись с загнутым хвостом, как у трусливой собаки характеризует неуверенного в себе человека и не сулит ничего хорошего в будущем. Дельные советы цепкий ум Жириновского без всяких препирательств мгновенно схватывал. И на ВСЕХ последующих документах обрыв и окончание подписи всегда стремилось вверх.

Через полгода я с большим трудом натащил своих приятелей в партийную беспокойную жизнь. Каждый их них был личностью и с собственной славой: рок-поэт и композитор Сергей Жариков, публицист Игорь Дьяков, писатель Эдуард Лимонов, юная рок-звезда Сергей Троицкий-Паук, пропагандист и учёный Александр Курский. И многие другие, оставшиеся за кадром истории.

Чуть позже к нам присоединился благодаря моим усилиям молодой продюсер и талантливый политик Алексей Митрофанов. Мы организовали как бы фан-клуб Жириновского, где всё работало на успех общего дела и на лидера Жириновского, которого мы всегда меж собой называли «вождь», об этом написал в своём большом очерке-эссе в 1994 году Эдуард Лимонов «Лимонов против Жириновского». Это повествование было выпущено огромным тиражом в 200 тысяч экземпляров, и, несмотря на критическое отношение «обиженного» автора к Жириновскому, способствовало росту популярности и вождя и самой партии на просторах России.

На основе символов герба я с Володей Степановым, сотрудником гремевшей тогда газеты «Пульс Тушина», придумал название партийной газеты «Сокол Жириновского», которая ежемесячно выходила почти год под редакторством Сергея Жарикова. Подруга Сергея Жарикова Ольга Померанцева сделала логотип, который и украсил партийное издание. Это была стильная и крайне интересная газета. Её и сегодня с удовольствием

можно читать, так всё актуально и свежо. Мы соревновались с нудным и нечитабельным органом, который выпускал Станислав Жебровский под логотипом «Либерал». «Либерал» - это был орган тех, кто всегда хотел причесать и сделать ПРАВИЛЬНЫМ и Жириновского и всех партийцев. К этой группе потом и примкнул Александр Венгеровский, который вместе с Минаковым и вытеснил нас с партийного поля, обвинив нас в экстремизме, скоморошестве и русском фашизме. Они были «серьезными» чекистами, правильными коммунистами в новых исторических условиях, а мы были чуждые, глумливые, ни во что не ставящие их советский авторитет группой подпольных выскочек. Эти настроения и «гасильщики» лидера и «два крыла» сокола существуют в партии и поныне.

Без преувеличения, можно сказать, что «Сокол Жириновского» на десятилетия опередил любые партийные издания России. Ничего подобного не было и нет в пропагандистском наборе огромного количества партий и объединений современной России, многие из которых уже давно канули в забвение, как партия ПРЕСС, «Наш дом Россия», «Отечество - вся Россия» и тому подобные, а другие, пребывая в Государственной Думе, выпускают макулатуру на потребу своих кураторов из Кремля. Никто и никогда не назовет вам даже ни одного названия этого партийного хлама. А «Сокол Жириновского» улетел в историю, оставив всех далеко позади.

Но надо быть объективным, - первую партийную газету с именем вождя напечатали в районной типографии Коношского сельсовета Архангельской области два друга, студенты второго курса философского факультета Ленинградского Университета Алексей Чурилов и Дмитрий Гусаков. Эти восемнадцатилетние юнцы не имея никакой связи с партией, чисто как фанаты выпустили на свои средства газету «Слово Жириновского» в декабре 1991 года, и потом привезли нам пачку этого шедевра самоотверженности и подлинного чувства в штаб-квартиру на Рыбников переулок. Я сразу понял перспективность этих интенсивных деятелей, и срочно ввел их в состав несуществующей тогда структуры: «Ревизионный комиссии партии», для придания им бодрости и статуса, и мгновенно организовал выдачу им партбилетов, так как юнцы спешили на сессию в родной университет. Студенты Чурилов и Гусаков утерли нос всем своей скоростью и оперативностью, потому что старые партийцы Халитов и Жебровский всячески тормозили выпуск боевой и стильной газеты, потрясая своим занудным «Либералом», а Жириновский слушая их, не давал средств и возможностей на выпуск современной и молодежной газеты. Потом эти студенты выучились и стали депутатами ЛДПР Государственной Думы разных созывов, стремились в большой кинематограф, писали киносценарии и снимали кино. Но судьба была неблагосклонна к этим светочам партии: Чурилов умер после автокатастрофы в декабре 2001 года, а Гусаков в январе 2014 года.

А на фоне дерзкого "Сокола Жириновского" 24 июня 1992 года после создания «теневого кабинета» правительства Жириновского, инициатором которого выступил Алексей Митрофанов, мы снялись в студии известного тогда гламурного фотографа А. Пчёлкина. О съемке договаривался я, и я всё организовал. Решено было по старой русской традиции сделать статический снимок зачинателей и отцов основателей. Всем будущим министрам я приказал вовремя явиться в студию недалеко от входа в

Бутырскую тюрьму на Сущевке. Была середина дня, все собрались без опозданий, я развесил задник с гербом партии и мы под руководством фотомастера выстроили пирамиду.

Станислав Жебровский отказался участвовать и не приехал, сославшись на занятость, Валентин Минаков, сопровождавший В. Жириновского, как старый чекист отказался встать в кадр, а будущий депутат ГД и министр транспорта «теневого кабинета» Александр Филатов постеснялся лезть в кадр. Пришлось ставить всех кто приехал в студию и захотел увековечиться, чтобы создать композицию. Стоящие в кадре А. Лосев и Юрий Бузов, ничем себя не проявили ни тогда, ни в последствии. И я жалею, что по широте душевной пригласил тогда в нашу компанию Бузова, познакомив его с Жириновским в рейсе самолета из Крыма, куда летала партийная делегация. Он оказался человеком полностью соответствующим своей родовой фамилии, хотя его папа адмирал флота был обаятельным человеком и крупным военным учёным. Всех остальных отцов основателей, которые пришли в партию позже, мы вписали в кабинет, когда верстали первый номер «Сокола Жириновского», который вышел под номером 2. Чтобы все историки искали и не нашли первый...

Съемка заняла немного времени. Алексей Мирофанов договорился с художником о выкупе у него цветных фото слайдов, что потом и сделал, но я никогда не видел цветной фотографии. Алексей зажал их, но будем рассчитывать, что к очередному юбилею партии, мы появимся на обложках мировых СМИ в том же виде: молодыми и в цвете. Этот снимок был опубликован с моей подачи и комментариями 4 января 1994 года на развороте «Известий» в большой статье Алексея Челнокова, после победы ЛДПР на первых выборах в Госдуму в декабре 93 года, и вызвал небывалый ажиотаж и обсуждение, как и вся история и победа ЛДПР.

На Сретенке начиналась эра побед ЛДПР

Жириновского лишили номера в гостинице «Москва». И только в октябре или даже ноябре ему удалось снять убогую комнатёнку с двумя койками в гостинце «Центральная» на Тверской, тогда улице Горького, ныне это руина напротив здания мэрии рядом с книжным магазином «Москва». В номере метров 12 мы раза три в неделю ненадолго встречались, никто не интересовался нами, пресса не спешила услышать голос партии. В тот момент по поручению Жириновского Михаил Иванович Мусатов и Станислав Жебровский начали перегистрировать Московскую организацию партии ЛДПСС в ЛДПР и стали чаще бывать ближе к Новому году.

Но любовь народа и тут не подвела: к нам как-то пришла на приём некая Галина Александровна, пожилая дама, коренная москвичка она была поклонницей Жириновского.

У нее умер супруг и ей надо было помочь в какой-то просьбе. Разговорившись в ожидании Жириновского я ей посетовал, что у нас нет штаб-квартиры, и мы ютимся в этом гадком месте, где шумный коридор, нет нормального буфета и полно тёмных личностей. Галина Александровна сказала, что постарается помочь, так как она живет

и работает на Сретенке, и у неё обширные связи в домоуправлении. Она пригласила меня в свою квартирку в переулке у тогдашней Колхозной площади ныне Сухаревской и угощала меня чаем и разносолами. И однажды сообщила мне, что договорилась с домоуправом, у которого какие-то организации съехали в доме в Рыбниковом переулке, и можно будет эти площади занять, они всё равно пустуют. Я срочно сообщил об этом Жириновскому и Минакову и буквально через пару дней у нас появилась прекрасная двухкомнатная квартира на четвертом этаже в солидном доме в Рыбниковом переулке как штаб -квартира ЛДПР. Туда к нам сразу потянулись ходоки и пресса.

А месяца через четыре в доме напротив съехала какая-то контора и Жириновский сумел захватить целый последний этаж, где было уже метров 500 разных комнаток и зальчиков. Часть помещений заняла какая-то контора Владимира Гвоздарёва, которая как бы спонсировала партию. А на втором этаже в том же подъезде находился библиотечный коллектор, у которого был актовый зал мест на 100, в которых мы стали проводить регулярно свои брифинги и встречи с прессой и партийцами. Я договаривался, и нам всегда любезно давали зал под наши шумные и бурные мероприятия. Именно на этой площадке разворачивалась битва по прыжку партии и лидера в большую политику, там ковалась сокрушительная победа партии на будущих выборах в Государственную Думу в декабре 1993 года.

Квартира в доме напротив превратилась в общежитие, где и прятался под сенью отца от материнского диктата юный Игорь Лебедев, деля жилище с другими партийцами. Именно этим обстоятельством я могу объяснить его очень неприязненное едва скрываемое презрительное и недружественное отношение к тем немногочисленным ветеранам партии, которые помнят его в те далекие и героические времена, когда вся «партийная верхушка» могла уместиться на одном диване и все работали за чистую идею, не думая о должностях и материальных выгодах.

Через пару лет в соседнем Луковом переулке, разросшаяся партия получила во владение целый особнячок под номером 9, где ныне работает её московская организация. Случайностей не бывает: на этом месте стоял двухэтажный дом моего родного деда по материнской линии Прокофьева Ивана Васильевича, семейство которого ещё до революции владело домовладением на этом месте. Он умер в 1957 году в комнатке своего бывшего дома, и я помню, как меня совсем маленького однажды водили туда, и я прощался с больным дедом.

Вот такая программа ведет нас по жизни, и случайностей не бывает.

Я ВИДЕЛ ОБЕСКУРАЖЕННОГО ЖИРИНОВСКОГО ВСЕГО ДВА РАЗА

Первый, раз это когда мы, группа журналистов, которая делала и выпускала партийную газету «Сокол Жириновского» притащили в штаб квартиру в Рыбниковый переулок известного в те годы в Москве Сашу Шишкина, двойника Адольфа Гитлера. Это был пожилой господин, электрик из Ташкента, очень начитанный и интеллигентный русский беженец, который кочевал в те годы по Москве, так как уже тогда русских гнали из республик Средней Азии. Его удивительное прямо-таки фантастическое свойство

входить в образ фюрера при соответствующем костюме, полностью аутентичном, но как бы побитым временем и, с налетом тайны восставшего из гроба вождя германского национал-социализма, было ярким явлением подпольной художественной жизни Москвы той эпохи. Этого двойника-воплощенца часто приглашали на всякие вечеринки и тусовки того времени. Он пользовался большим успехом.

И вот однажды весной 1992 года, светлым солнечным днём, мы вместе с Сергеем Жариковым пригласили в штаб квартиру этого «артиста». Он как всегда пришел при полном параде, то есть в мундире фюрера пошитом из той же ткани с подлинными наградами и всеми соответствующими артефактами эпохи заката Третьего рейха. Я вошел в кабинет Жириновского и сказал, что к нему явился необычный гость, который просит у него свидания. На что получил утвердительный ответ. В кабинете помимо Жириновского находились какие-то очередные корреспонденты и еще пара партийцев. Мы распахнули двери и Саша Шишкин в образе бодро и деловито вошел в кабинет Жириновского, приветствуя его на отличном немецком языке.

В комнате воцарилась мертвая тишина, и мы увидели как вождь медленно стал сползать с кресла под стол. А фюрер-Шишкин, не обращая на это внимание, прошёл за спину Жириновского к стене, на которой висела большая карта мира и стал на немецком языке громко и убедительно говорить о планах мирового господства, со свойственной только Гитлеру экспрессией и акцентом, указывая направления главных ударов.

Надо сказать, что и мы сами тоже сильно струхнули, потому что от этого экспромта на нас повеяло непередаваемой атмосферой настоящего, что произошло у нас на глазах: Гитлер, живой, как бы восставший из гроба, воплотился, и стал участником нашего подлинного сегодня. Все в кабинете онемели и обездвижились, а живой Гитлер вещал и кричал в кабинете Жириновского на немецком языке. Это продолжалось минут пять.

Потом мы очнулись и разъяснили Жириновскому, что это мол Александр Шишкин, артист-двойник, беженец из Ташкента пришел поприветствовать нашу партию и её лидера. Но мы видели в глазах Жириновского как бы недоумение и недоверие к нашим словам, потому что ощущение реальности от Гитлера не проходило. Жириновский встал из-за стола, и пройдя несколько шагов, даже пожал протянутую артистом руку. Этот эпизод никто больше не вспоминал и не комментировал. Нас даже не поругали.

Больше мы не приглашали в партию Шишкина, а год спустя он стал непременным участником шоу и концертов группы «Коррозия метала» Сергея Троицкого-Паука. Шишкин потом участвовал в партийной жизни Эдуарда Лимонова и Александра Дугина. У меня есть, сделанный мной фильм на 12 минут, как мы встречали Новый 1996 Год в бункере НБП у Лимонова с его партийцами, где Шишкин снова, но уже не так входил в любимый образ.

Страх подлинной погибели Жириновский и его соратники испытали в городе Минске, куда партийная делегация поехала по приглашению сильной и активной организации

ЛДПР. Советский Союз распался, но люди на местах продолжали активничать и поддерживать старые связи. В Беларуссии остался осколок партии, который был весьма влиятельным и со связями. Партийцы пригласили нас на встречу с фанатами и активом, ранней весной 1992 года. Был снят большой спортивный комплекс в центре Минска, куда и пришло несколько тысяч сторонников партии на встречу. Но местные власти, старые коммунистические прохиндеи решили сорвать встречу, назначенную на 19 часов вечера. Они просто вырубили свет вокруг спорткомплекса и запретили открывать двери зала.

Мы приехали на место встречи заранее, наверное, за час: двери заперты, свет потушен. Жириновский стал выступать со ступенек зала в темноте что-то говорить толпе, люди всё прибывали. Задние ничего не слышали и стали напирать на передних. Нет сомнения, что крепкие парни в гражданской одежде, которые появились в толпе из местных силовых структур, решили сознательно создать давку и беспорядки у дворца спорта. Они стали давить с задних рядов кричать и бузить. Толпа подогретая речами Жириновского и давкой агентов в толпе начала не управляемо яриться, двигаться и тупо давить. Многотысячная толпа как бы решила высадить двери в спорткомплексе, и стала припирать нашу группку из шести человек к стеклянным дверям, стало невозможно дышать и двигаться. А толпа всё напирала. И тут Жириновский слегка вскинутый вверх двумя охранниками нечеловеческим голосом грозно и властно зарычал во всю мощь на толпу: «Стоять! Стоять! Назад!». Крик был такой силы, мощи и энергии, что взбунтовавшиеся белорусы мгновенно протрезвели, остановились и отступили...

Мы быстро прошли по образовавшемуся коридору и спаслись от гибели в толпе и давке. С тех пор, я не слышал, чтобы Жириновский бывал с визитом в дружеской Беларуси.

Напечатано собственноручно в июле 2014 года.

АРХИПОВ АНДРЕЙ

Ссылка на статью